

Шервин Б. Нуланд

Шервин Бернارد Нуланд родился в 1930 году в Нью-Йорке в семье российского иммигранта Мейера Нудельмана.

Шервин был профессором клинической хирургии Медицинской школы Йельского университета, где преподавал биоэтику, историю медицины и медицину.

Шервин Б. Нуланд — доктор медицинских наук, хирург и автор известных во всем мире бестселлеров «Как мы живем» и «Как мы умираем. Размышления о финальной главе жизни». Последний в 1994 году был удостоен Национальной книжной премии.

Он опубликовал многочисленные статьи в различных медицинских журналах и таких изданиях как *The New Yorker*, *New York Times*, *The New Republic*, *Time* и *The New York Review of Books* (книжное обозрение Нью-Йорка), а также вел постоянную колонку «Неуловимое искусство» блога *The American Scholar*. Вплоть до своей смерти в 1994 году доктор Нуланд проживал с семьей в штате Коннектикут.

Саре и Сэлу

Эта книга и моя жизнь подарены вами

По существу, история медицины — это история самого человечества со всеми его взлетами и падениями, его дерзким, но тщетным стремлением постичь истину и конечную цель бытия. Историю медицины можно представить в виде бесконечной вереницы книг, характеров, сменяющих друг друга теорий и человеческих заблуждений или совсем иначе — как подлинную квинтэссенцию развития культуры. Как писал Мэтью Арнольд о «Деяниях святых»:

«Вся человеческая жизнь здесь».

— Филдинг Гаррисон, 1933

Содержание

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ АВТОРА • 11

ВВЕДЕНИЕ 15

1 ТОТЕМ МЕДИЦИНЫ.

Гиппократ • 27

2 ПАРАДОКС ГАЛЕНА ИЗ ПЕРГАМА • 62

3 ПРОБУЖДЕНИЕ.

Андреас Везалий и Ренессанс медицины • 101

4 ДЕЛИКАТНЫЙ ХИРУРГ.

Амбруаз Паре • 143

5 НАШ ГЛАВНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ — САМА ПРИРОДА.

Открытие большого круга кровообращения

Уильямом Гарвеем • 177

6 НОВАЯ МЕДИЦИНА.

Анатомическая концепция Джованни Морганьи • 209

7 ПОЧЕМУ ЦВЕТ ЛИСТЬЕВ МЕНЯЕТСЯ ОСЕНЬЮ.

Хирургия, наука и Джон Хантер • 242

8 БЕЗ ТОЧНОГО ДИАГНОЗА
НЕТ АДЕКВАТНОГО ЛЕЧЕНИЯ.

Рене Лаэннек — изобретатель стетоскопа • 279

9 ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИКРОБНОЙ ТЕОРИИ
ДО ОТКРЫТИЯ САМИХ МИКРООРГАНИЗМОВ.

Загадка Игнаца Земмельвейса • 328

10 ХИРУРГИЯ БЕЗ БОЛИ.

Происхождение общего наркоза • 361

11 ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ЕДИНИЦА ЖИЗНИ.

Болезни клетки, микроскопы и Рудольф Вирхов • 413

12 ЗАБОТА О ТЕЛЕСНОМ СОСУДЕ
БЕССМЕРТНОГО ДУХА.

Антисептическая хирургия Джозефа Листера • 463

13 РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ МЕДИЦИНЫ В АМЕРИКЕ.

Уильям Стюарт Холстед из госпиталя Джонса Хопкинса • 520

14 ТРИУМФ МЕДИЦИНЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА.

Хелен Тауссиг и хирургическое лечение
врожденного порока сердца • 568

15 НОВЫЕ СЕРДЦА ВМЕСТО СТАРЫХ.

История трансплантации • 614

БИБЛИОГРАФИЯ • 656

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ • 683

Выражение признательности автора

В мою память навсегда врезалась педагогическая формула, которую я и мои сокурсники биологического отделения медицинского колледжа выучили сорок лет назад: чтобы экзаменационное эссе было оценено достойным количеством баллов, ответ на каждый вопрос должен удовлетворять пяти критериям — быть ясным, последовательным, кратким, полным и правильным. Если эти условия не соблюдены хоть в малейшей степени, работа не может считаться идеальной. Звонящее наставление любителя нематод, заскоружного мизантропа, не испытывавшего ничего кроме презрения к тем из нас, кто беспокоился о млекопитающих (и, не дай бог, планировал строить карьеру в области клинической медицины), звучит эхом в моей голове каждый раз, когда я собираюсь изложить свои соображения на бумаге. К словам профессора Горация Уэсли Станкарда я отношусь с религиозным почтением, возможно, из-за чувства вины за то, что подвел его, отказавшись от лаборатории в пользу клиники. Хотя, вероятнее всего, ряд его определений мне запомнился потому, что в целом они звучат как здравый совет.

Помня наставления Станкарда, я вынес на суровый суд читателей очень разные главы этой книги. Естественно, предмет моих исследований было невозможно (и даже нежелательно) раскрыть полностью в отличие от темы экзаменационного эссе. Согласно моим требованиям повествование должно быть связным и согласованным. Если читатель решит, что книга удовлетворяет всем критериям Станкарда, то это заслуга тех моих коллег и друзей, которые подзадоривали меня во время работы над ней. Если же обнаружатся какие-то недостатки, то только потому, что иногда я уделял мало внимания их рекомендациям. Недостаточно просто перечислить здесь их имена; я хочу выразить им свою признательность не только за вклад в эту книгу, но и за их умелое понукание.

Моя жена Сара Петерсон всегда была первым и самым суровым редактором моих работ. Она большой специалист по поиску плохо согласованных и трудно читаемых предложений. Поистине счастлив автор, если тот, кто выполняет первоначальную вычитку его рукописи, умеет точно формулировать мысли и уверен в том, что делает. Мне хотелось бы гораздо больше написать о заслугах этого конкретного редактора, но она все равно запретила бы мне, считая это слишком сентиментальным и слащавым.

После тщательной проработки материала Сарой некоторые главы отправлялись коллегам, обладающим более глубоким знанием определенных тем и периодов. Каждая часть возвращалась с весьма полезными комментариями или предложениями. Выражаю свою глубокую признательность всем и перечисляю их имена в алфавитном порядке: Марк Лорбер, Роберт Массей, Джереми Норман, Джон Харли Уорнер, Рут Уитемор и Раймонд Эдвардс.

Особую благодарность заслуживают четверо моих товарищей за квалифицированное рецензирование книги в целом: учитель литературы Джон Бехар, историк медицины Томас Форбес, ученый в области биомедицинских наук Ион Грессер и директор библиотеки медицинской истории Ференц Гьергей. Не могу не отметить отдельно участие Ференца. Без наших бесконечных дискуссий, его обширных знаний литературы по истории медицины и щедрости, с которой он позволил мне пользоваться всеми сокровищами его уникальной библиотеки, эта книга умерла бы не родившись;

без нашего вдохновляющего содружества я никогда не задумал бы этот проект — *Koszonom kedves baratom!**

Написать серию биографий врачей мне предложил Лесли Б. Адамс младший, лет пять назад. В разделе *Classics of Medicine Library* он опубликовал пятнадцать моих монографий и книг, среди которых была и «История анестезии». Он и его издательство *Gryphon Editions* (теперь филиал компании *Macmillan*) всегда поддерживали меня и любезно позволяли использовать значительную часть материалов из перечисленных выше публикаций. Части глав, посвященных Гиппократу, Паре, Морганьи, Хантеру и Холстеду, как и отрывок из работы об анестезии, сначала вышли в свет в форме эссе, которые я написал по заказу Леса Адамса.

Большая часть материала об Игнаце Земмельвейсе взята из моего эссе, напечатанного в 1979 году в «Журнале истории медицины и смежных наук». Фрагменты из главы о Листере были представлены в 32-й ежегодной лекции по истории хирургии Самуэля К. Харви в Йеле в 1987 году.

За те несколько лет, которые я вынашивал идею о создании этой книги, у меня появилось два новых друга: Роберт Готтлиб, поверивший в мой проект с самого начала и ставший капитаном моей команды поддержки; его участие и интеллект были топливом для костра моего энтузиазма. Уйдя из *Knopf*, он не оставил меня.

И, наконец, Корона Мачемер. Она влилась в наш коллектив, когда работа над рукописью была уже в самом разгаре, но проявила поистине материнское участие в проекте. Отличный специалист в английском языке, преданный своей работе, она чудесным образом поняла цель, которую я хотел достичь своей книгой. Имея тридцатилетний опыт работы хирургом, я полагал, что знаю толк в заботливой опеке, пока она не присоединилась к команде врачей и не начала делиться со мной своими озарениями. Когда Боб Готтлиб унес свои кроссовки и синий карандаш с собой в *The New Yorker*, он заверил меня, что нашел «абсолютно идеального редактора» на свое место. К его восторженному отзыву могу добавить только: «Да, и аминь».

Ш. Б. Н.

* В переводе с венгерского: «Спасибо, дорогой друг!»

Введение

Хороший терапевт знает своих пациентов вдоль и поперек, и его знания дорогого стоят. Необходимо щедро дарить время, сочувствие и понимание, а награда вас найдет в личных связях, которые приносят наибольшее удовлетворение от врачебной практики. Одно из базовых качеств клиники — это заинтересованность в человеке, поскольку секрет заботы о пациенте состоит, собственно, в заботе о пациенте.

Доктор Фрэнсис Уэлд Пибоди, лекция студентам
медицинского факультета Гарварда, 1927 год

Эту книгу я писал в библиотеке. Среди библиотек всех образовательных учреждений мира нет другой, подобной этой. Мне нравится думать о ней как о моем кабинете, хотя сюда приходят сотни мужчин и женщин — так же, как я, увлеченных необходимостью оглянуться на прошедшие события, чтобы эффективно продвигаться вперед. Замечу, что до сих пор никто из нас не превратился в соляной столп*.

* Согласно Книге Бытия, безымянный персонаж Ветхого Завета Библии, жена Лота, превратилась в соляной столп, оглянувшись на разрушаемые небесным огнем нечестивые города Содом и Гоморру (Быт. 19:15—30).

Моя огромная, уютная, заполненная книгами комната — это святилище накопленных знаний и мемуаров об искусстве врачевания, это музей, портретная галерея, хранилище литературы о прошлом медицины и убежище от беспорядочного наплыва современных научных технологий. По крайней мере, для тех из нас, кто имеет привилегию заботиться о больных или проводить исследования, позволяющие лечить болезни, Йельская библиотека истории медицины с момента своего создания была укрытием от дневных тревог и живительным родником, несущим обновление и силы.

Все лаборатории и больницы нашего медицинского центра расположены не дальше нескольких минут ходьбы от этой обрамленной балконами комнаты с высокими сводами и залежами сокровищ. От операционных, где я провожу бóльшую часть своего дня, библиотека находится на расстоянии, точно совпадающим с длиной двух футбольных полей. Тридцать лет назад я мог преодолеть весь путь за двадцать пять секунд. Даже моя теперешняя шаркающая походка позволяет мне тратить на дорогу туда не более трех минут, включая лестничные пролеты.

Здесь так просто совершать, как сказал один из благодетелей библиотеки, «путешествия по иным эпохам и далеким местам». Такая возможность представилась благодаря трем страстным библиофилам, объединившимся в 1930-х годах для создания библиотечного рая, в котором их обширные личные литературные собрания могли слиться и разместиться таким образом, чтобы каждый, желающий узнать что-нибудь об истории медицины, мог получить к ним доступ. Речь идет о Джоне Фултоне, одном из наиболее плодовитых исследователей в области нейрофизиологии и очень энергичном человеке, чьи неустанные усилия катализируют многочисленные крупные проекты в сфере науки и гуманизации медицины; о Харви Кушинге, который недавно приехал в Йель после ухода на пенсию с поста главы отделения хирургии в больнице Питера Бента Бригама в Гарварде, где он учредил специализацию нейрохирургии, а также о швейцарском враче-библиографе Арнольде Клебсе, авторе фразы про путешествия. В честь их объединенного проекта они присудили себе титул «Триада».

Со времени церемонии открытия в 1941 году, основанная тремя друзьями библиотека растет со скоростью, превышающей их самые оптимистичные прогнозы. Библиотека истории медицины Йеля стала одним из немногих мест в мире, где авторы медицинских работ могут забронировать проход для непрерывного паломничества в прошлое. Действительно, если использовать критерий лорда Маколея о том, что «идеальный историк показывает в миниатюре дух и характер века», то эта библиотека, которую я называю своей, — идеальный историк для западной медицинской цивилизации, на что не может рассчитывать ни один претендент из плоти и крови. Ее можно считать наглядным доказательством концепции Маколея, утверждающей, что процесс написания истории требует «соединения поэзии и философии».

Над огромным камином, встроенным в стену в дальней части читального зала, расположена большая металлическая пластина с выгравированным напутствием о том, как использовать собрание для достижения поставленных целей наилучшим образом. Чтобы оценить мудрость этих слов, посетителю следует лишь бродить среди манускриптов и «слушать»: «Здесь, в тишине, звучат голоса величайших умов минувших эпох».

Автор этих строк провел немало часов, внимая им, прежде чем эта книга увидела свет. Я выбрал для нее подзаголовок «биография медицины» потому, что решил вести рассказ в форме серии биографий тех, кто внес значительный вклад в развитие методов врачевания. Но меня преследовала мысль, особенно когда я приступил к последним главам, что, возможно, слово «автобиография» лучше могло бы передать суть моей идеи, поскольку я старался описать процесс эволюции, благодаря которому каждый современный врач создает свои основополагающие гипотезы, а также общие теории, в рамках которых мы рассматриваем течение заболевания. Таким образом, история медицины — это история моей профессиональной жизни.

Сидя у постели больного и пытаюсь восстановить последовательность патологических изменений в его теле, заставивших его обратиться ко мне, я применяю метод рассуждений, который практиковался в Греции еще две с половиной тысячи лет назад. Каждый раз, прослеживая развитие болезни до момента встречи